

Эрик Ремакль

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящий труд завершает серию из трех книг, посвященных проблематике этнических конфликтов и регионализма на постсоветском пространстве. Если первые два сборника статей касались специфической ситуации в двух географических субрегионах - на Кавказе и Центральной Азии, с одной стороны, и в трех славянских республиках - с другой, то данный сборник в большей степени затрагивает международную практику урегулирования конфликтов, связанных с вопросами национальностей и регионализма. В Заключении, представленном здесь, мы предложим рамки общего анализа, как теоретического, так и практического, которые также позволят читателю вновь рассмотреть в более общем плане исследования конкретных случаев, проведенные в двух первых книгах. В различных статьях (1) выявляется в основном три типа проблем, и их можно всякий раз резюмировать в виде бинома, выражающего как противоречия, так и внутреннюю взаимодополняемость каждого из поднятых вопросов. Первый тип проявляется во взаимосвязях между идентичностью и безопасностью, второй - во взаимосвязи между внутренним и международным урегулированием конфликтов, а третий - во взаимосвязи между региональным и международным режимами безопасности.

Бином "идентичность - безопасность"

Период, открывшийся вслед за окончанием биполярности и крушением коммунизма как системы, претендующей на универсальность в соревновании с капитализмом, очевидным образом характеризуется четкой взаимосвязью между идентичностью и безопасностью. Французский философ и социолог Пьер Асснер недавно подчеркнул это так: "И на Западе, и на Востоке, в центре и на периферии культурная идентичность и общественная безопасность стали центральным мотивом поведения и предметом политических конфликтов" (2).

Оба понятия являются одними из важнейших и наиболее спорных в политических науках и вызвали обширную литературу (см. статьи Линклейтера, Раджоньери, Зайдельмана). Особенно важно понять их взаимосвязанность в исследованиях, посвященных урегулированию этнических и региональных конфликтов: этничность отсылает к идентичности человеческих общностей, тогда как конфликты между ними непосредственно затрагивают их безопасность. Это заставляет прилагать усилия для осмысления указанного бинома "идентичность - безопасность", если мы стремимся способствовать предотвращению, а также мирному и прочному разрешению подобных конфликтов. С этой целью следует прежде всего прояснить используемые концепции. Британский теоретик международных отношений Барри Бьюзен подчеркивает, что человеческие коллективы стремятся обеспечить свою безопасность в соответствии со своими опасениями внешних угроз, которые структурируют их идентичность. Он утверждает, что начиная с XVII в., т.е. с зарождения современного государства и современной системы международных отношений (Вестфальский мир 1648 г.), эта диада идентичности и безопасности политически обеспечивается государством, но это не означает, что государство представляет собой на вечные времена единственно возможную коллективную идентичность и единственный вектор безопасности политических общностей (3). Исторически государство есть продукт человеческого строительства, а не внешняя реальность, налагаемая сверху на человеческие существа. Общий подход к безопасности, следовательно, не допускает ее автоматического и догматического привязывания к государству (и его границам). Поэтому мы не станем говорить о "национальной безопасности" или "национальном суверенитете", но предпочтем рассмотреть вопрос об "общественной безопасности" (societal security) человеческих групп.

Фактически "для общества выживание есть вопрос идентичности, поскольку это способ, которым оно сигнализирует об угрозах собственному существованию: если последние реализуются, мы

больше не сможем жить как "мы" (4). Поэтому общественный подход связан не только с географическими границами государства как элементами структурирования общества, но и с культурной логикой отношения между "ними" и "нами" (5), с рисками для безопасности, не ограниченными географически (миграции, окружающая среда, ядерные вещества), и с возможным появлением суб-, над- или транснациональных политических общностей, способных ответить на эти глобальные вызовы (6). Таким образом, признавая первостепенную роль государства в области безопасности в современную эпоху (7), мы должны в теоретическом плане в первую очередь рассмотреть эволюцию представлений об идентичности у человеческих коллективов в различные эпохи, чтобы проанализировать системы безопасности, сменявшие друг друга в современной истории. Исходя из этой констатации, можно выявить четыре системы, по крайней мере на европейском континенте. Первая, окончательно сложившаяся со времени Вестфальского мира 1648 г., порвала с многочисленными подданствами феодального строя: с многослойной (multi-layer) феодальной системой, где существует подданство одновременно перед местной политической властью (сеньором), перед эмбрионом национальной власти (королем) и двумя универсальными властями (церковью и императором), и заменяется вертикальной системой, где политические общества кристаллизуются вокруг одной власти, рационализированной и нерелигиозной, - власти государства, вписанного в определенные границы и являющегося единственным действующим лицом международных отношений (8). Эта система - система "баланса власти" ("balance of power"), где государство владеет одновременно суверенной властью в отношении индивидов внутри своих границ и могуществом в своих отношениях с другими государствами.

Власть и могущество (по-французски: *puissance et pouvoir*), впрочем, переводятся на английский язык одним словом "power", что, по-видимому, не случайно. Начиная с Французской революции 1789 г. устанавливается вторая европейская и мировая система, которая продолжает и укрепляет систему Вестфальского мира, - система национальных государств. Государство уже не только гарант безопасности граждан, живущих на его территории, - оно воплощает собой их идентичность как сознательного и самоорганизующегося политического сообщества. Это рождение национализма, "политического принципа, утверждающего, что политическое и национальное единство должны совпадать, теории политической легитимности, требующей, чтобы этнические границы совпадали с политическими" (9). Два варианта этого национализма будут характеризовать национальные государства в XIX и XX вв.: национализм Французской Республики, основанный на территории и гражданстве, и национализм, вдохновленный немецким философом Гердером, основанный на романтической тяге к общим культурным корням. Межгосударственная система, основанная на национальных государствах, базируется тем самым на гораздо более мощных коллективных идентичностях, нежели первоначальная Вестфальская система, так как каждое политическое сообщество полностью отождествляет себя с государством (10). Отсюда следуют два важнейших изменения в международной системе.

С одной стороны, географические границы и историческая легитимность, т.е. две основы геополитики, становятся важнейшим, чуть ли не религиозным смыслом идентичности национальных государств. С другой стороны, способы ведения войны совершенствуются и вовлекают всю нацию как участника, а следовательно, и как жертву: войны мобилизуют целые нации во имя тоталитарного национализма или идеологии, распространяются на всю планету, ведутся с целью овладения морским и воздушным пространством, подпитываются техническим прогрессом современности, последним достижением которого, ставящим на карту само будущее человечества, является ядерное оружие. Именно с появлением в 1945 г. ядерного оружия возникает третья международная система, получившая название биполярности. В ней устанавливается новая диалектика - диалектика противостояния двух идеологических проектов с универсальными претензиями, которые оба родились на европейской почве и воплотились в организациях, зеркально отражавших друг друга, - Североатлантическом и Варшавском договорах, ЕЭС и СЭВ. Связь между идентичностью и безопасностью отныне основывалась не на национальных государствах, а на политико-идеологических блоках, безопасность которых обеспечивалась на демаркационной линии, разделявшей Германию. Параллельно предпринимаются также три международных попытки невоенного характера, ставившие целью мирное урегулирование конфликтов путем

сотрудничества. Первой являлась политическая система сожительства наций внутри Советского Союза, а после 1945 г. - в Социалистической Федеративной Республики Югославии. Под тяжестью проблем, унаследованных от многонациональных империй XIX в., эта попытка потерпела крах после 1989 г., в основном по причине недемократического характера системы и недооценки связи между национализмом, демократией и современностью (см. Предисловие Б. Коппитерса).

Вторая попытка, предпринятая исключительно в западном лагере, выразилась в создании Европейского сообщества. Ее идентичность, конечно, формируется лишь под защитой американского ядерного зонтика, но она представляет собой специфический политический проект, направленный на предотвращение войны путем экономической и политической интеграции ранее антагонистичных друг другу национальных государств, в особенности Франции и Германии. Наконец, сначала в 1919 г. и вновь в 1945 г. разрабатывается универсальный проект коллективной безопасности, который был призван выйти за рамки традиционного "balance of power" и положить конец гегемонизму великих держав над малыми государствами: этот проект "интернациональной" или "космополитической" демократии в некотором роде завершал проект "наднациональной демократии", выдвигавшийся в масштабе Западной Европы (11). Четвертая международная система современной эпохи - после 1989 г. - порывает с системой биполярности в той мере, в какой стремится устранить преобладание идеологической оппозиции между капитализмом и коммунизмом.

Тем самым новая система разрушает интернационалистское стремление к мирному урегулированию национального вопроса в обеих коммунистических федерациях - советской и югославской, которые уступают место новым национальным государствам, порой создаваемым на крови и слезах. Взамен этого она сохраняет универсалистские тенденции коллективной безопасности и "глобального управления" ("global governance") - наднациональной демократии в рамках Европейского сообщества, а также воспроизводит культурные и национальные факторы как мощные элементы идентичности наряду с геополитикой многополярного "balance of power" и однополярными тенденциями американской сверхдержавы (Раджоньери).

В этой новой системе речь, однако, уже не идет о простой конфронтации между абсолютными национальными суверенитетами. Интернационализм и регионализм (в смысле создания более широких политических и экономических ансамблей), равно как и утверждение субнациональных сообществ (этнических или иных меньшинств) или сообществ транснациональных (религий, социальных классов), накладываются на национализм и приводят к установлению такого соотношения между идентичностью и безопасностью, которое подразумевает взаимодействие между различными уровнями лояльностей, ценностей и интересов. Урегулирование современных конфликтов требует учета взаимозависимости между этими различными уровнями, в частности, с одной стороны, между внутренним и международным измерениями, а с другой - между уровнями региональным и универсальным.

Внутреннее и международное урегулирование

Идентичность (будь то национальная или иная) есть не только продукт самоутверждения в качестве политического сообщества по отношению к другим сообществам (Линклейтер, Ван Дейк), но и признания со стороны других, что, в частности, представляет собой важную политическую цель в плане легитимности на пространствах Югославии или бывшего СССР (Пэ). Эта идентичность (как показывает Линклейтер на примере Германии) связана с "членством" в политическом сообществе, с гражданством и с глобальными обязательствами. Несмотря на тенденции к глобализации, идентичность также проявляется в стремлении к определению географических границ и территории либо в мирной, переговорной форме (Германия, СССР, Чехословакия), либо в форме насильственной (Кавказ, Югославия). Следовательно, как внутренние, так и международные факторы играют важную роль в определении идентичности и в урегулировании этнических конфликтов.

Среди факторов, в которых смешиваются внутренние и международные измерения, в особенности в бывшем СССР и вообще во всех странах, недавно освободившихся от коммунизма, заслуживают углубленной разработки три вопроса. Первым является вопрос об истории, или, скорее, о восприятии народами своей собственной истории и места, которое они занимают в мире (Weltanschauung).

В посткоммунистических странах это восприятие является особенно сложным, так как отчасти основывается на идеализированной докоммунистической мифологии, но оно не может также не касаться неоднозначных реалий, унаследованных от коммунистического периода, даже когда последний официально изображается как "внешний" по отношению к национальной истории. Анализ, проведенный на примере Грузии (Нодиа), указывает на сильную взаимосвязь между коллективной идентичностью, основанной на религии и языке, и международной стратегией поисков среди великих держав "патрона", благодаря которому идентичность могла бы быть представлена и сохранена на международной арене. "Спрос на Запад", наблюдающийся в грузинском случае и питаемый разочарованиями, повторявшимися в течение двух веков, также в менее сильной степени наблюдается во многих странах Центральной Европы, в которых коммунизм воспринимался как тормоз на пути вступления в современность, хотя в действительности он часто был ее вектором.

Вслед за определением национальной идентичности по отношению к Европе или Западу встает второй вопрос - об определении своей сущности самой Европой. Всякая фиксация "границ" Европы неизбежно оставит некоторые государства за дверьми "клуба" и утешит тех, кто видит мир в терминах "столкновения цивилизаций" ("clash of civilizations" - Хантингтон). Отношения между христианством и исламом или между католицизмом и православием определенно составляют часть этого исторического измерения, связанного с идентичностью. По этой причине поиски решений национального вопроса посредством наднациональной политической интеграции представляют значительный интерес в Центральной и Восточной Европе после 1989 г., как это было в Западной Европе после 1945 г. Эта интеграция в действительности не является отрицанием национальной идентичности, но является признанием одновременно общих ценностей универсального характера (демократии, правового государства) и заинтересованности в экономическом сотрудничестве, что позволяет народам с разной идентичностью мирно сосуществовать друг с другом в условиях растущей взаимозависимости. Да и сама европейская интеграция имеет тенденцию к географическому расширению мирным и переговорным путем: у нее нет окончательных границ и ее расширение требует постоянного диалога и растущего сотрудничества с соседями. Третий вопрос носит экономический характер: переход от социализма к капитализму представляет собой прежде всего бурное перераспределение собственности и экономической власти. Это в первую очередь внутренний процесс, но с вовлечением важных внешних действующих лиц (Международного валютного фонда, Всемирного банка, Всемирной торговой организации, нефтяных компаний, транснациональных корпораций, великих держав). Многие конфликты уходят корнями в этот процесс, при котором число тех, кто теряет от экономической модернизации, намного превышает число тех, кто выигрывает. В случаях, когда конфликты оказывают лишь незначительное влияние на международную ситуацию, большого риска их распространения на территорию соседних государств не существует. Роль "международного сообщества", в сущности, ограничивается сдерживанием (containment) конфликта и преодолением его последствий (особенно решением проблем беженцев). Задача "поддержания порядка" и "принуждения к миру", как правило, прямо или косвенно возлагается на региональную державу: Российская Федерация играла эту роль в большинстве конфликтов на территории бывшего СССР. Тем не менее, когда возникает более глобальная опасность - распространение ядерного оружия, подрыв снабжения нефтью и газом, геополитическое наступление ислама, - западный интерес к разрешению конфликтов возрастает, а подключение ряда международных организаций проявляется гораздо конкретнее.

Посредничество США между Россией и Украиной по ядерному вопросу и направление миссий ОБСЕ в Нагорный Карабах и Чечню - вот два наиболее ярких тому примера. Отношения между Западом и Россией в регионе все более напоминают взаимодополняющую игру между двумя

формами периферизации: экономической и идеологической всех стран региона, включая Россию, по отношению к Западу (см. статью Коппитерса о Грузии); политической и военной - большей части бывших советских республик по отношению к России (кроме Украины, в определенной степени). Эта двойная периферизация иллюстрирует сравнительно большое сходство интересов между западными державами и Кремлем: российские войска в некотором роде служат для охраны нефтепроводов и защищают Запад против ислама в обмен на признание российской военной мощи и значительную экономическую поддержку (Тренин). Это разделение труда, способное удовлетворить обе стороны, пока в Москве остается у власти альянс либералов, военных и "Газпрома", может также представлять некоторый интерес для малых республик, которые приближаются к Западу через посредство и под "защитой" западной России (Нодиа). Последний элемент, который следует здесь подчеркнуть, касается институциональных решений национального вопроса в регионах, где он может вызвать конфликты с применением насилия. Во внутреннем плане можно подумать прежде всего о более гибкой и более толерантной организации административной структуры государства.

Подобная реформа может одновременно коснуться элементов, связанных с территориальностью (региональный федерализм, децентрализация налогообложения), или культурной, лингвистической и общинной (*communautaire*) идентичности (персональный федерализм, автономия языковых или религиозных общин). Международные примеры способов внутреннего ненасильственного разрешения конфликтов, связанных с национальным вопросом, весьма разнообразны, например бельгийский федерализм, при котором смешиваются территориальные и нетерриториальные аспекты (Десхауэр, Ван Дейк), или асимметричные формулы, как, например, испанские автономии (Фоссас Эспадалер). Но, по всей видимости, их трудно применить в ситуации постсоветских республик. Во-первых, последние охвачены глубоким экономическим кризисом, который затрудняет любую углубленную административную модификацию государства в условиях, когда бюджет последнего сокращается, а ссылки на необходимость вмешательства государственных органов и на полиэтничность часто воспринимаются как ностальгия по коммунистическому прошлому. Во-вторых, соответствующая реальность и история в разных странах глубоко различны: как можно, к примеру, говорить о федерализме там, где выдвигаются требования об отделении бывших автономных республик, или о культурной автономии тогда, когда сотни тысяч человек насильственно изгоняются в порядке заботы об этническом или религиозном "очищении"? Наконец, институциональные, конституционные или административные реформы не кажутся априорно надежными и чудотворными решениями: федерализм не помешал кровавому расчленению Югославии на базе, противоречащей внутреннему и международному праву (Пэ), а в таких государствах, как Бельгия, Канада или Индия, он рискует быть лишь переходной стадией к более или менее мирному разводу.

В международном плане большинство механизмов или институтов, сложившихся, в частности, в рамках Совета Европы (Линклейтер) или ОБСЕ (Барбе/Саинз, Ремакль), являются результатом стремления к укреплению прежде всего нормативных механизмов в пользу меньшинств (Верховный комиссар ОБСЕ, рамочная Конвенция Совета Европы, Пакт стабильности Европейского союза), тогда как политические и экономические реформы ослабляют центральную власть. Парадоксальным образом некоторые из этих механизмов не признаются самими западными странами: Бельгия, Франция, Греция и Турция отказываются подписать рамочную Конвенцию Совета Европы о национальных меньшинствах, так как считают, что на их территории не существует национальных меньшинств. Зато ратификация того же документа ставилась условием для вступления в Совет Европы таких стран, как Хорватия и Россия. Точно так же Пакт стабильности, который Европейский союз заставил подписать страны Центральной и Восточной Европы, обязал последние принять двусторонние соглашения о неприкосновенности границ и правах меньшинств, в то время как некоторые страны ЕС отвергают всякое вмешательство своих соседей в вопросы меньшинств и не урегулировали такие важные территориальные проблемы, как Северная Ирландия или Гибралтар. Как показал ряд статей настоящего сборника, подобные нормативные режимы оказались полезными, в частности, для предотвращения вспышки или эскалации некоторых конфликтов (Барбе/Саинз, Раджоньери, Ремакль), но они, тем не менее, не

дают окончательного урегулирования последних. Именно внутренняя социально-политическая и экономическая эволюция - поддержанная международными институтами - в первую очередь может дать возможность долгосрочной стабилизации, но последняя, тем не менее, не может быть навязана извне. Это также ставит вопрос о согласованности действий между региональными и международными организациями.

Региональные и международные режимы безопасности

Связь между глобализацией и регионализацией, или, иначе говоря, между мировой системой и региональными подсистемами, все более активно изучается в современной науке о международных отношениях, в частности в плане безопасности. Она вынуждает к постановке трех вопросов относительно международной практики разрешения этнических конфликтов.

Первый из них касается согласованности политики международных организаций в деле предотвращения конфликтов. Действительно, можно спросить себя, целесообразно ли, чтобы ООН, Совет Европы или ОБСЕ пытались предотвращать и разрешать вооруженные конфликты, если параллельно политика МВФ или Всемирного банка способствует дестабилизации тех же самых обществ путем слишком жесткой структурной перестройки, которая выливается в экономический эгоизм или националистический шовинизм. Предотвращение конфликтов должно, несомненно, стать также конкретной политической целью международных экономических и финансовых организаций. Ввиду этого последние должны быть более связаны в структурном плане с системой ООН и быть политически ответственными (accountable) перед эмбриональными органами мирового правительства. Тем самым укрепление согласованности между политикой в области безопасности и экономической политикой требует более мощных и более эффективных международных режимов в понимании доклада о "глобальном управлении", представленного по случаю 50-й годовщины ООН (12). Та же проблема согласования целей налицо и в области координации между различными европейскими экономическими объединениями и организациями в сфере безопасности (СНГ, Совет Европы, ОЭСР, НАТО, ЕС, ЗЕС и т. п.).

Второй вопрос заключается в том, чтобы выяснить, должна ли универсальная организация, т.е. ООН, целиком делегировать свои обязанности региональным организациям? Такое решение дает некоторые выгоды, так как оно позволило бы ООН больше заниматься координацией и выдвиганием политических инициатив, чем текущим урегулированием проблем, слишком многочисленных для нее. Это явилось бы также частичным ответом на бюрократизацию и бюджетный кризис ООН. Наконец, поиск решений велся бы на уровне, более близком к рассматриваемому региону. Например, для бедных континентов, таких, как Африка, наличие универсальной организации может быть желательным как проявление всемирной солидарности. Полезно также обеспечение беспристрастности в дипломатическом посредничестве или миротворческих операциях, что легче делается в рамках ООН, нежели в обстановке, когда требуется выдвигание на первый план региональных организаций. Однако реформирование ООН имело бы также и невыгодные стороны. Как могла бы ООН, например, проверить, что региональные организации точно соблюдают предоставленные им мандаты? Так, в Боснии между ООН и НАТО возникали многочисленные проблемы, а всемогущество России внутри СНГ мешает рассматривать последнее как региональную организацию.

Наконец, возникает и третий вопрос: не укрепляют ли в политическом плане международные режимы, установленные, по сути, западными странами и контролируемые ими, отношения между центром и периферией, которые уже существуют в области экономики между Западом и Востоком? Международные режимы никогда не используются для решения проблем западных стран, которые считают, что их внутренняя стабильность и конституционное устройство достаточны для мирного разрешения спорных вопросов. Эти режимы в некотором роде задуманы как инструмент перехода к правовому государству и политической стабилизации, как средство приобщения к "цивилизации", определяемой по преимуществу на Западе.

Однако западный мир не ограничивается определением правил игры в зависимости от демократических ценностей и цивилизованных норм взаимоотношений между государствами: он использует международные организации для защиты своих фундаментальных экономических и стратегических интересов. Указания на это можно найти в дебатах о роли ОБСЕ на Кавказе, о восстановлении мира в Боснии и о расширении НАТО на Центральную Европу. Существует риск того, что в порядке компенсации Запад оставит России "зону влияния" во всем бывшем СССР, не слишком серьезно беспокоясь о правах народов и демократии. Это было бы курьезным возвратом к некоему геополитическому разделу Европы и к "реалистическому" цинизму, типичному для "balance of power". Поэтому отрадно отметить, что после 1989 г. между европейскими странами в рамках Совета Европы и ОБСЕ были разработаны нормативные документы высокой моральной и политической ценности. Эти документы представляют собой совместно выработанные кодексы поведения, служащие политическим барометром добрых отношений между государствами. Мероприятия различных региональных организаций также должны восприниматься как положительный шаг в сторону развития институциональной структуры по урегулированию конфликтов. Тем не менее, если признать, что общественная безопасность не ограничивается стабильностью межгосударственных границ, но затрагивает весь комплекс параметров, которые обеспечивают гражданам условия жизни в мире и с соблюдением человеческого достоинства, важно, чтобы подобная структура была не простым отражением геополитики государств, но гарантом общей и равной безопасности каждого из нас.

-
1. Когда мы ссылаемся на некоторые статьи настоящего выпуска, в тексте в скобках приводится фамилия автора.
 2. Hassner P. Beyond Nationalism and Internationalism. *Ethnicity and World Order // Survival*. Vol. XXXV. No. 2. London: IISS, March-April 1993. P. 58.
 3. См.: Buzan B. *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. London: Harvester Wheatsheaf, 1991.
 4. Waever O., Buzan B., Kelstrup M., Lemaitre P. *Identity, Migration and the New Security Agenda in Europe*. London: Pinter Publishers, 1993. P. 25.
 5. См.: Neumann I., Welsh J. The Other in European Self-Definition: An Addendum to the Literature on International Society // *Review of International Studies*. 1991. Vol. 17. No. 4. P. 327-348.
 6. См.: Buzan B. *New Patterns of Global Security in the Twenty-First Century // International Affairs*. Vol. 67. No. 3. London: RIIA, 1991. P. 431-451.
 7. Напомним, например, определение государства у немецкого социолога Макса Вебера как "территориально определяемое образование, внутри которого индивиды отказываются от применения силы в их отношениях и подчиняются приказаниям власти, осуществляемой заинтересованными лицами, которой отводится монополия на применение законного насилия" (Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Tubingen: J.C.B. Mohr, 1985 (первая публ. 1922 г.). S. 514).
 8. См.: Bull H., Watson A.N (eds.). *The Expansion of International Society*. Oxford: Oxford University Press, 1984.
 9. Gellner E. *Nations and Nationalism*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
 10. См.: Smith A. *Nations and Nationalism in a Global Era*. Cambridge: Polity Press, 1995. P. 54-56.
 11. По поводу концепции космополитической демократии см.: Held D., Archibugi D. (eds.). *Cosmopolitan Democracy*. Cambridge: Polity Press, 1995. Относительно концепции наднациональной демократии и ее артикуляции с международной демократией см.: Telo M. (ed.). *Democratie et construction europeenne*. Bruxelles: Editions de l'Universite de Bruxelles, 1995.
 12. См.: Наше глобальное соседство. Доклад Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству. Москва: Весь мир, 1996 (Our Global Neighbourhood. The Report of the Commission on Global Governance. Oxford: Oxford University Press, 1995).